

АНТАРКТИДУ ОН ПИСАЛ, УМИРАЯ

Он мечтал стать художником,
а стал известным писателем.
6 июня Виктору Конечкому исполнилось бы 75

ТАТЬЯНЕ АКУЛОВОЙ, вдове Виктора Конечного, Белла Ахмадулина советовала: «Вы пишете, пишете о Вите... легче станет». Она писала, но написала всего несколько страниц. Слишком тяжела еще боль утраты... И в вышедшей к юбилею книге «Дорогой наш капитан» под одной обложкой Татьяна Акулова собрала более 50 авторов. Авторы книги - люди разные: профессиональные литераторы и критики, друзья и товарищи, читатели, пристально следившие за творческой жизнью писателя» - пишет она в предисловии.

Хватало его не всем

«Он, как, может быть, никто из писателей своего поколения, полностью вложил в свои книги подлинную биографию - профессиональную и духовную. Его хорошо понимают те из читателей, кто читает и перечитывает его, заглядывая при этом в собственную душу», - говорит Татьяна Акулова на одной из нескольких выкроенных для себя страниц.

- Виктор Викторович хорошо понимал, что его книги нужны людям. В этом убеждали читатели - письмами, обращениями. Конечкий не был запрещенным писателем. Его издавали тысячами тиражами. Но на всю читающую страну Конечного не хватало. Он мечтательно шутил: «Мне хотя бы раз опубликоваться в «Роман-газете»! Проснулся бы знаменитым!» - «Зачем тебе нужна эта «Роман-газета»? - «У нее миллионный тираж!»

Читатели в письмах просили прислать книги. Мы посылали. Сейчас такая же ситуация. Конечкий есть в Питере и Москве, а в регионах его не достать. И я рассылала книги в самые разные уголки страны.

Романтик поневоле

«Конечкий для меня - романтик поневоле», - написал еще при жизни Виктора Викторовича поэт Глеб Горбовский в книге «Остывшие следы». Татьяна Акулова включила фрагмент «Остывших следов» в книгу «Дорогой наш капитан». Независимо от Горбовского она пишет: «Натали Саррот, в гостях у которой в Париже Виктор Викторович коротал вечера, удивлялась: «Какой же вы все-таки домашний человек, Виктор!» Эта женщина была права».

- Я почти 20 лет наблюдаю флотских людей. На берегу человек мечтает о море, а в море тоскует по земле, по дому, - продолжает Татьяна Валентиновна. - Своей главной профессией Виктор Викторович считал морскую. Конечкий признавался: «Меня

прибило к морю случайно, но море полюбилось, стало и профессией, и судьбой». Он был судоводителем высочайшего класса. И будучи капитаном дальнего плавания, работая на судах, он был независим от творческих союзов и чиновников от литературы.

Мечтал-то он стать художником. И говорил об этом. А в последние годы - все чаще и чаще. «Ну дал же Бог мне какой-то талант!» - сказал однажды, вытирая кисти.

Поступал как настоящий мужчина

Большинство авторов вспоминает, что у него был экспрессивный, взрывной характер. Он всегда готов был драться за правду. И в прямом, и в переносном смысле. На собраниях в Союзе писателей мог потребовать: «А теперь о цензуре!» «От произведения этого слова вслух литературное чиновничество цепенело, - вспоминает Михаил Глинка. - Ведомство литературного топора было тайным, а название его - запрещенным».

- У него действительно был крутой нрав. Но главное в его характере все же доброта. Он не мог простить людям только пошлости и цинизма. И сам был человеком небанальным - и по взглядам, и по поведению, и по способам существования в литературе. Конечкий поступал как настоящий мужчина. Только не надо делать из Конечного исключение из правил, он бы этого не потерпел. Ничего сверхъестественного в его поведении не было. У меня отец был таким.

На компромиссы Виктор Викторович шел только в том случае, если это могло помочь человеку или делу. Я знаю, что есть вещи, на которые он бы не пошел никогда ни при каких обстоятельствах. У гбэшников была уверенность, что Конечкий не сбежит. Они, хорошие психологи, понимали, что для Виктора «любовь к отечеству» и «любовь к отеческим гробам» - не пустые слова. И если он написал, что никогда не покинет могил Смоленского кладбища и Пискаревки, значит, не покинет.

«Зачислили в белогвардейцы!»

Кораблестроитель и литератор Анатолий Домашев рассказывает, как однажды Виктор Конечкий в его присутствии усмехнулся: «Ну вот и меня зачислили в белогвардейцы!» Оказывается, он написал письмо в поддержку Солженицына, а Шолохов в своем выступлении на Съезде писателей назвал «подписантов» «белогвардейскими пособниками».

- В поддержку или защиту Солженицына было много коллективных писем, телеграмм, под-

писаться под которыми не всякому хватало мужества. Конечкий лично написал письмо. Его не вызвали в КГБ, не разбирались. Только в 90-е годы из книги Перельмана «Покинутая Россия», изданной за границей, Виктор Викторович узнал, что его имя (в числе других) было «нежелательно» упоминать в «Литературной газете».

Тысячи на перилах

Кинорежиссер Георгий Данелия, автор кинофильмов «Сережа», «Не горюй!», «Мимино», «Путь к причалу», «33» (последние два по сценарию В. Конечного), вспоминает, как они с Конечким два с половиной месяца шли на сухогрузе Северным морским путем и «изучали материал». А после выхода на экраны картины «Путь к причалу» Конечкий собирался отдать режиссеру как «соавтору» ровно половину денег, полученных за сценарий. Данелия денег не брал. Тогда рассерженный Конечкий положил пачку денег на парапет моста, по которому они переходили через Мойку: «Мне за работу зарплату платили. Чужие деньги мне не нужны!» - «И мне не нужны!» Деньги - более двух тысяч рублей, сумма по тем временам сумасшедшая! - остались лежать на перилах. «Фанаберии хватало шагов на семь», - пишет Данелия. - Потом мы развернулись и, как по команде, рванули назад...»

- Я знаю не одну подобную историю, но, думаю, Виктору Викторовичу не понравилось бы, если я стала бы рассказывать, - говорит Татьяна Валентиновна. - Да, этот поступок для Конечного - нормальное поведение. Георгий Николаевич не раз при нем вспоминал эту историю. Конечкий посмеивался: «Гля, ты все сочинил!» Зато он никогда не забывал, как помогали ему Виктор Викторович часто вспоминал, как его, молодого литератора, выручил деньгами Даниил Гранин. Наверное, и другие ему давали в долг, но, вероятно, минута, когда пришел на помощь Гранин, была так тяжела, что он запомнил это на всю жизнь. И даже незадолго до ухода из жизни благодарил Даниила Александровича. Да, что касается Гранина... Виктор Викторович никогда не забывал, что Гранин фронтовик, а фронтовик для него - святое. Перед фронтовиками он становился по стойке «смирно». Всегда, когда была возможность, при личной встрече или по телефону поздравлял с Днем Победы.

Помогать людям, близким и не очень, для Виктора было важнее устройства личного быта. Материальная сторона уходила на второй, на третий план. Хотел ли он жить иначе? Вероятно, да. Только вот возможности такой у него не было. Несмотря на то, что плавал он до 87-го года.

Расписка на салфетке

«Вечер (в ресторане) закончился тем, что господин был вынужден дать Конечному расписку в том, что дамба, в проектировании которой, как выяснилось в разговоре, он принимал участие, не представляет угрозы великому городу...» - это строки из очерка Татьяны Акуловой «Таким люблю».

- Зашел разговор о дамбе. Тут же салфетка превратилась в эскиз, а позже в расписку, которую я храню в своем архиве. Строительству защитных сооружений Ленинграда от наводнений - вопрос слишком серьезный для города, и для Виктора Викторовича он не мог быть проходным.

И веточка с могилы Ван Гога

- У нас в доме хранится более двухсот живописных работ Виктора Викторовича: масло, гуашь, акварель. Пейзажи, натюрморты. И только две работы, привезенные им из Антарктиды. Зимовщики сказали: «Виктор Викторович, кто же вам поверит, что эти акварели писали в Антарктиде?! Давайте-ка мы поставим почтовый штемпель!» Большую часть жизни у него не было возможности подойти к мольберту. Значитель-

ное количество работ написано, когда он уже не плавал.

Антарктиду он писал, умирая. Когда погиб «Курск», Конечкий написал «ПЛ идет домой. Памяти «Курска». Всю свою боль вложил в это небольшое полотно.

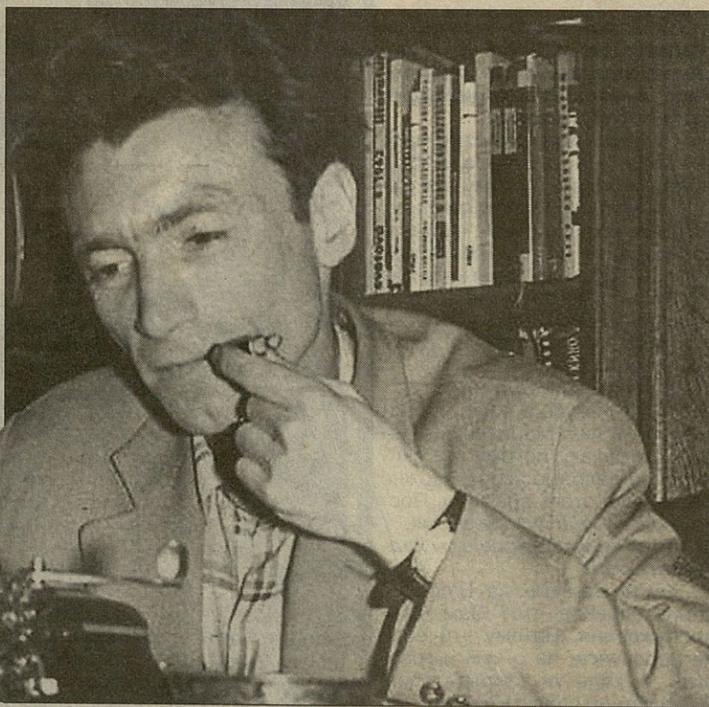
Первая большая выставка его работ была открыта мною в декабре прошлого года. А сейчас выставка «Цветы Виктора Конечного» развернута в библиотеке имени Шолохова. Посетители удивляются: моряк писал цветы! А он очень любил цветы! Радовался любому, что я приносила в дом. Зимой на снегу подбирал веточки, ставил в вазу. В одной из ваз стояла веточка - крохотная, чахлая, колючая. «Ты не представляешь - она с могилы Ван Гога!» Он ездил поклониться любимому художнику.

«Я» - не последняя буква

Анатолий Домашев: «Виктор Конечкий задумчиво потрогал пальцем клавишу на машинке: «Вот буква «я» сносилась. Наверное, от первого лица много пишу...»

- Это не шутка и не легенда. Старую пишущую машинку «Эрика» со стершейся последней буквой алфавита я бережно храню. Иногда достаю и с трепетом прикасаюсь к клавишам. На этой машинке Виктор Викторович перепечатывал свои удивительные повести и романы. Книги Конечного проникновенны и доверительны. Наверное, еще и поэтому рассказ шел от первого лица. Когда человек говорит «я», он берет на себя ответственность за каждое слово.

Владимир ЖЕЛТОВ

Пишущую машинку, на которой работал писатель, Татьяна Валентиновна хранит как реликвию

Конечный Виктор

4.06.2004